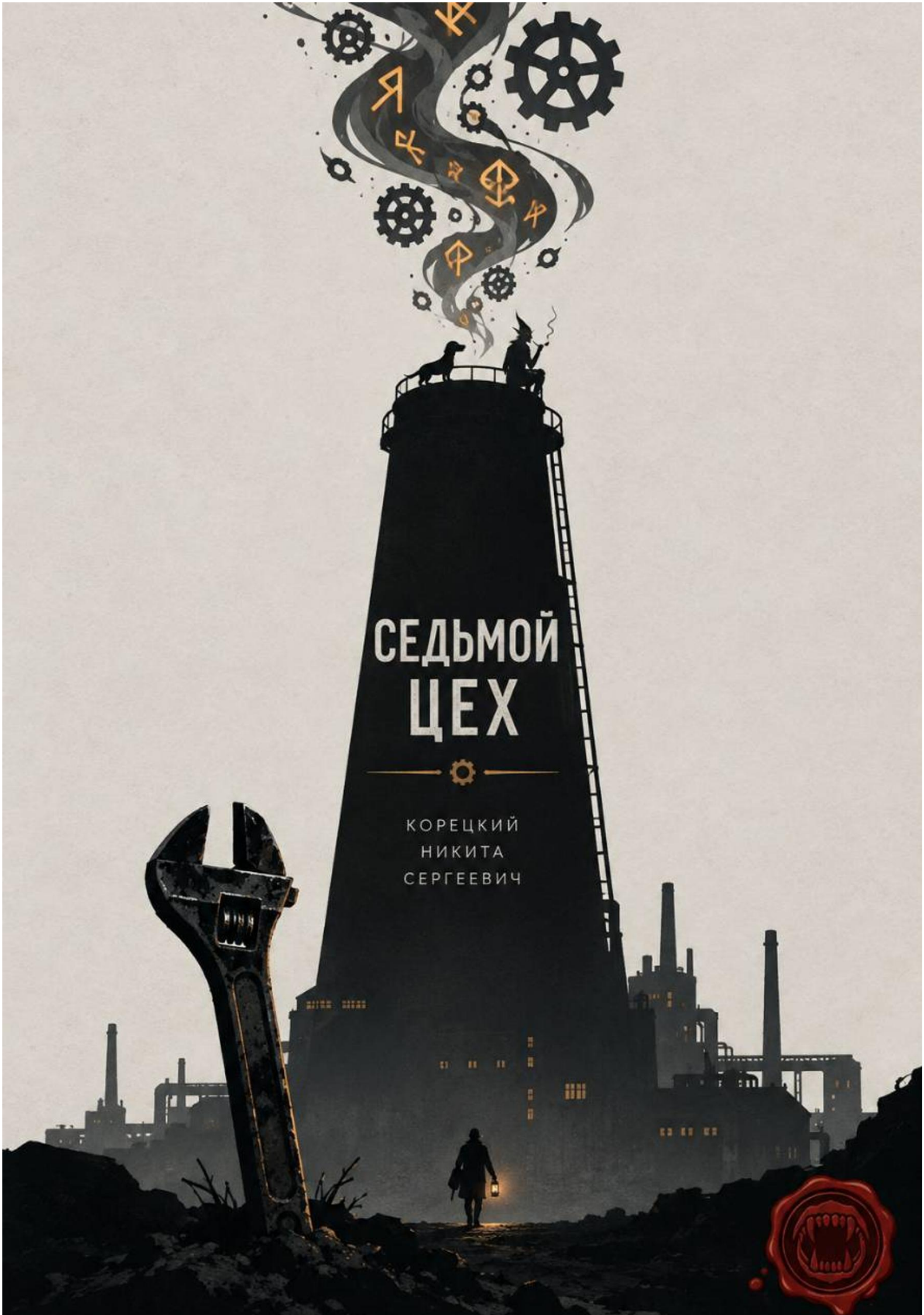
СЕДЬМОЙ
ЦЕХ
КОРЕЦКИЙ
НИКИТА
СЕРГЕЕВИЧ

Никита Корецкий

Седьмой цех

«Автор»
2026

Корецкий Н. С.

Седьмой цех / Н. С. Корецкий — «Автор», 2026

Седьмой цех вступает в борьбу за звание лучшего завода континента! Впереди опасные конкуренты, неожиданные испытания и производственный хаос, способный поставить на уши даже самое отлаженное предприятие. Героям предстоит доказать, что для победы нужны не только технологии и дисциплина, но и смекалка, крепкие нервы и умение выкручиваться из самых нелепых ситуаций.Ведь когда на кону честь завода, любая проблема решаема. Ну почти любая.

© Корецкий Н. С., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 17
Глава 3 38
Конец ознакомительного фрагмента. 45

Никита Корецкий
Седьмой цех

Глава 1

Всё началось с моего решения переехать в столицу. Решение далось нелегко. Не потому, что я любил родную деревню. Просто я хорошо знал дорогу от дома до сарая, от сарая до трактира и от трактира обратно. За пределами этого маршрута начинался неизведанный мир. Раньше я предпочитал, чтобы он таким и оставался. Желательно подальше и с табличкой: «Не влезай — убьёт».

Родители, напротив, обрадовались. Подозрительно быстро и как-то слишком искренне.

— Наконец-то, — выдохнула мать, когда я сообщил о переезде.

Я насторожился.

— Почему наконец-то?

— Потому что пора уже, Вольдемар. Выбьешься в люди, мир посмотришь. А тут ты третий год охраняет коров от грифонов.

— Между прочим, успешно.

— Вот именно. Ещё лет десять и тебя повысят до главного по коровам.

Отец промолчал, но я заметил, как он довольно кивнул. Отец вообще редко говорил. Зато кивал так выразительно, что иногда это заменяло целую речь, а иногда семейную ссору.

— В столице перспективы, — продолжила мать. — Работа, знакомства, новая жизнь.

— И грифонов, наверное, меньше.

— Зато людей больше.

После этого столица стала казаться не такой уж привлекательной.

Билет родители подарили мне на день рождения. Они сказали, что в моём возрасте давно пора начинать самостоятельную жизнь. Судя по тому, как быстро мать собрала мои вещи, самостоятельную жизнь следовало начать немедленно.

Всё имущество уместилось в армейский вещмешок. Старый, потёртый, с двумя завязками вместо нормальной застёжки. Когда-то он принадлежал отцу. Потом в нём хранили картошку. Теперь в нём хранились мои вещи и гусь Прокоп.

Прокоп был крупным белым гусём с серым пятном на шее. У него был тяжёлый характер и необъяснимая ненависть к людям в шляпах. Говорить он не умел, зато прекрасно выражал мнение клювом. Особенно если мнение было отрицательным.

— Ты уверен, что потащишь его в столицу? — спросила мать, глядя, как Прокоп забирается в вещмешок поверх запасной рубашки.

— Он сам решил.

— Это гусь.

— Вот поэтому спорить бесполезно.

Прокоп высунул голову из вещмешка и угрожающе зашипел на мать.

— Весь в тебя, — сказала она.

Я не стал уточнять, в кого именно.

До ближайшего железнодорожного вокзала меня повёз отец. Дорога занимала несколько часов, поэтому большую её часть я проспал. Просыпался на ухабах, проверял, не выпал ли Прокоп, снова засыпал. Один раз открыл глаза оттого, что отец громко ругался на козу.

Она стояла посреди дороги и смотрела на нас так, будто это мы перегородили ей путь.

— Чтоб тебя демоны драли, — сказал отец.

Коза задумчиво пожевала травинку.

— Она не понимает, — заметил я.

— Всё она понимает.

Коза посмотрела на отца ещё презрительнее. Возможно, действительно понимала. Прокоп высунулся из вещмешка и зашипел. Коза отошла. Отец повернулся ко мне.

— Полезная птица.

— Я знаю.

Это был самый длинный разговор о Прокопе за последние два года.

На вокзал мы приехали ближе к полудню. Отец остановил телегу, помог мне снять вещмешок и некоторое время молча смотрел на меня. Я тоже молчал. В нашей семье это считалось содержательной мужской беседой.

— Береги себя, — произнёс он наконец.

— Постараюсь.

Отец сунул руку за пазуху и протянул мне небольшой мешочек. Тот приятно звякнул.

— Держи.

— Что это?

— Деньги.

— У меня уже есть немного.

— Немного быстро заканчивается. Особенно в столице. Особенно если рядом трактир. Особенно если ты мой сын.

— Мама знает?

Отец покосился на меня.

— А ты как думаешь?

— Думаю, не знает.

— Правильно думаешь. И дальше так думай. Молча.

Я спрятал деньги поглубже в вещмешок. Прокоп немедленно сел сверху. Лучшей охраны для семейных накоплений придумать было трудно.

— Спасибо.

Отец кивнул, потом неожиданно обнял меня, крепко хлопнул по спине и сразу отпустил.

— Если что — возвращайся. Дом никуда не денется.

— А мама?

— Мать поворчит.

— Я не об этом. Она меня обратно пустит?

Отец задумался.

— Дом никуда не денется, — повторил он.

На том и попрощались. Я забросил вещмешок на плечо и направился к вокзалу. Прокоп устроился внутри, но оставил голову снаружи.

У входа меня остановил огромный орк. Зелёный, клыкастый и с таким лицом, словно ему не нравились пассажиры, работа и сам факт существования железных дорог. Перед ним стоял маленький стол. Рядом висела табличка «ДОСМОТР».

— Вещмешок открывай, — буркнул орк.

— Там гусь.

— Меня уже ничем не удивить.

Я поставил вещмешок на стол и развязал. Орк начал перебирать вещи с выражением человека, который рассматривает чужие носки не первый год и давно потерял надежду на лучшее.

— Рубашка… штаны… ещё рубашка…

Он поднял двумя пальцами носок.

— Это что?

— Носок.

— Уверен?

— Утром был им.

Орк бросил носок обратно и вытащил банку тушёнки.

— А это?

— Тушёнка.

— Чья?

— Надеюсь, коровья.

Орк посмотрел на этикетку, где от времени стёрлось всё, кроме слова мясо, и решил не продолжать расследование. Затем его пальцы коснулись кожаного ошейника, лежавшего поверх рубашки. Старого, потёртого, с тяжёлой серебряной застёжкой.

— Это что? — спросил орк.

— Амулет.

— Какой?

— Ошейник оборотня. Помогает молодым не сойти с ума во время превращения.

Орк поднял глаза.

— Ты оборотень?

— Как видите.

Орк медленно положил ошейник обратно.

— Проходи.

Прокоп выбрал этот момент, чтобы выскочить из вещмешка и ущипнуть орка за палец.

— Твою мать! Забери птицу, пока я её не досмотрел изнутри.

Я поймал Прокопа, вернул в вещмешок и поспешил внутрь. В зале ожидания царил хаос. Тот особый вид беспорядка, который появляется, когда сотни людей точно знают, куда им надо, и ни один не смотрит под ноги.

За столиком двое гномов играли в карты с троллями.

— Ты опять подсматриваешь! — возмущался один из гномов.

— Не подсматриваю, — прогудел тролль.

— Ты над столом навис!

— У меня шея устала.

— А глаза почему на мои карты смотрят?

— Я косоглазый.

У стены сидели три эльфа и курили что-то, от чего к потолку поднимался розовый дым. В дыму появлялись крохотные единороги, танцевали неприличный танец и лопались.

Я остановил проходившего мимо гнома.

— Извините, а что они курят?

Гном посмотрел на эльфов, потом на единорогов и пожал плечами. До эльфов я не стал подходить.

— Пирожки! — раздался пронзительный голос. — Горячие пирожки! Свежие! Безопасные!

Между пассажирами протискивался маленький гоблин с подносом.

— С чем? — спросил я.

Гоблин посмотрел на меня.

— С начинкой.

— А начинка какая?

— Питательная.

— Мясо?

— Да.

— Чьё?

Гоблин прищурился.

— Ты пирожок покупаешь или расследование ведёшь?

— Уже ничего не покупаю.

— Вот и не задерживай очередь.

Я оглянулся. Очереди не было. Зато Прокоп заинтересованно вытянул шею.

— Даже не думай, — сказал я.

Гусь обиженно гоготнул.

До поезда оставалось несколько часов. Я нашёл свободное место, сел и зажал вещмешок между ног. Прокоп выбрался наружу, устроился рядом и сразу уснул, положив клюв мне на ботинок.

Первое время я просто смотрел на пассажиров. Потом начал смотреть с недоумением. А вскоре окончательно перестал понимать, что здесь происходит. Именно в этот момент ко мне подошёл старик.

Он был маленький, худой и настолько седой, будто его обваляли в муке. Старик остановился напротив, внимательно посмотрел мне в глаза и протянул медный амулет на чёрном шнурке.

— Нет, спасибо, — сказал я.

Старик не шелохнулся.

— Правда, не надо.

Старик нахмурился, наклонился и сам повесил медный кругляш мне на шею.

— Эй! Вы что делаете?

Он показал три пальца, потом протянул ладонь.

— Три серебряных? За то, что вы без спроса на меня что-то нацепили?

Старик кивнул, быстро снял с меня амулет и спрятал за пазуху. Потом достал табличку «ПОМОГИТЕ БЕДНОМУ НЕМОМУ СТАРИКУ».

— Так вы ещё и немой?

Он скорбно кивнул.

— Фаддей! — прогремел женский голос.

Старик вздрогнул. Из толпы появилась широкоплечая женщина с кочергой. Судя по выражению её лица, кочерга была не кухонной принадлежностью, а весомым аргументом.

— Снова людей дуришь?

— Екатерина, — совершенно нормальным голосом произнёс старик. — Какая неожиданная встреча.

— Значит, немой?

— Я излечился. Чудо.

— А бедный?

— Вот это чистая правда.

Женщина подняла кочергу. Старик попятился.

— Давай обсудим всё спокойно.

— Я вчера спокойно обсуждала!

Старик развернулся и побежал. Для человека, который минуту назад едва передвигал ноги, двигался он на удивление резво. Женщина бросилась следом.

— Верни деньги!

— Какие именно?

— Все!

— Екатерина, это экономически безответственно!

Они понеслись между лавками. Пассажиры привычно расступались. Один гном даже поднял кружку, чтобы беглец её не задел.

Старик больше ко мне не возвращался. Амулет он забрал с собой, что полностью меня устраивало. Прокоп проводил его долгим взглядом, а потом снова заснул.

Когда подали поезд, я разбудил гуся, убрал его в вещмешок и отправился к вагону.

Купе оказалось маленьким, но чистым. Я положил вещмешок на нижнюю полку и сел. Вторым пассажиром был эльф. Высокий, худой, в дорожном пальто и с серебряной заколкой в длинных светлых волосах. Он стоял у окна и пытался открыть его.

— Заклинило? — спросил я.

Эльф дёрнул раму. Окно резко открылось и ударило его по пальцам.

— Скотина, — процедил он.

Прокоп высунулся из вещмешка. Эльф замер.

— У вас там гусь?

— Да.

— Он кусается?

— Только если вы ему не нравитесь.

— А я ему нравлюсь?

Прокоп зашипел.

— Первые впечатления неоднозначные.

Эльф осторожно сел напротив.

— Феликс Эстель, — представился он.

— Вольдемар Люпус. А это Прокоп.

Эльф кивнул мне, потом гусю.

— Рад знакомству.

Прокоп отвернулся.

— Он не очень светский, — объяснил я.

— Ничего. У меня тёща такая же. Только у неё клюв меньше.

Поезд дёрнулся. Феликс достал бутылку из чемодана и разлил по стаканам. После этого разговор пошёл легче. Феликс оказался торговым представителем фирмы, продававшей магические системы отопления. В столице у него жили жена, трое детей и тёща. О семье он говорил с любовью.

— Старший сын служит в городской администрации, — рассказывал он. — Говорит, что управляет столицей.

— А на самом деле?

— Перекладывает бумаги с одного стола на другой. Иногда подписывает.

— Младший?

— Продаёт артефакты.

— Полезные?

— Он утверждает, что да. Покупатели утверждают разное.

— А дочь?

— Изучает боевую магию. В прошлом месяце ей запретили тренироваться в общежитии.

— А тёща?

Феликс вздохнул.

— Тёща изучает нас. Нашла множество недостатков. Особенно у меня. На остальных у неё просто нет времени.

Прокоп выбрался из вещмешка и прошёлся по купе. Феликс поспешно убрал ноги.

— Он всегда путешествует с вами?

— Мы впервые путешествуем.

Ближе к вечеру поезд резко затормозил. Феликс свалился с сиденья, я врезался плечом в стену, а Прокоп, хлопая крыльями, вылетел в коридор.

— Прокоп! — Я бросился следом.

Гусь нёсся по вагону, распугивая пассажиров. За ним бежал я. За мной Феликс, который почему-то успел прихватить мой вещмешок.

— Лови его! — крикнул я.

Прокоп ворвался в соседний вагон, проскочил между ногами торговца, опрокинул корзину с яблоками и вцепился клювом в плащ какого-то человека. Тот громко завопил.

— Уберите это чудовище!

— Прокоп, отпусти господина!

Гусь потянул сильнее. Ткань затрещала.

— Немедленно! Плащ стоит сорок золотых!

— Теперь уже меньше, — заметил Феликс.

Вдвоём мы отцепили Прокопа. Человек возмущаясь ушёл, придерживая разорванный плащ на заднице. Феликс смотрел ему вслед.

— Ты чего устроил?

Прокоп невинно моргнул.

До купе мы добрались без новых жертв. Я вернул Прокопа в вещмешок и крепко затянул завязки, оставив только отверстие для головы.

Остаток пути прошёл спокойно. Феликс немного поспал, потом ушёл в вагон-ресторан и вернулся заметно веселее. Он принёс две кружки кислого вина и миску зерна для Прокопа. После этого гусь перестал на него шипеть.

— Видите? — сказал эльф. — Любые отношения можно наладить едой. Кроме брака. Там ещё нужны деньги и способность вовремя притвориться тупым.

За окнами сгущались сумерки. Вдалеке постепенно разгоралось сияние столицы. Сначала показались отдельные огни. Потом их стало так много, что казалось, будто на землю опрокинули звёздное небо. Поезд вошёл в город. За стеклом мелькали многоэтажные дома, мосты, башни и фабричные трубы. Между зданиями протянулись толстые электрические кабели. Рядом с ними сияли магические линии. На крышах вращались медные накопители маны. В воздухе висели рекламные надписи. Под ними грохотали трамваи, а между трамваями протискивались кареты без лошадей.

— Шумная и капризная. — Проговорил эльф.

— Красиво, — сказал я.

— Издалека, — согласился Феликс. — Вблизи... сам узнаешь.

Когда поезд остановился, мы попрощались. Феликс пожал мне руку и осторожно кивнул Прокопу.

Я вышел из вагона и сразу оказался окружён толпой. Толпа была громкой и настойчивой, будто я был не пассажиром, а главным призом городского конкурса.

— Господин! Машина нужна?

— Быстро и дёшево!

— Самая удобная карета в городе!

— Лицензированная!

— Официальная!

— Почти официальная!

— Доедете живым или вернём половину денег!

Последний вариант показался мне честнее остальных, но проверять не хотелось.

Выбравшись из толпы, я остановился посреди привокзальной площади и впервые по-настоящему увидел столицу.

Город был огромным. Здания тянулись вверх на пять, десять, двадцать этажей. Некоторые терялись в низких облаках. Возможно, крыш у них вообще не было.

По рельсам звенели трамваи. Рядом проносились автомобили с руническими двигателями. Из-под капотов у них вырывался пар, а на радиаторах светились защитные знаки от взрыва. Некоторые были зачёркнуты и нарисованы заново.

Над площадью парили рекламные надписи. Одна обещала мгновенное омоложение. Вторая банкротство без смерти. Третья предлагала любовное зелье со сто процентным результатом и мелкой припиской «Не несем ответственность за венерические проклятия».

У обочины гном в рабочей форме спорил с эльфом в дорогом костюме.

— Здесь нельзя ставить портал! — кричал гном.

— Почему?

— Потому что здесь несущая стена!

— Она несёт дом? Куда?

Гном закрыл глаза и глубоко вдохнул. Судя по лицу, мысленно он уже нёс эльфа на кладбище.

На другой стороне площади женщина разговаривала с маленьким летающим кристаллом.

— Нет, я не злюсь, — говорила она. — Я просто хочу понять, почему ты опять улетел в трактир.

Кристалл виновато мигнул.

— Не переводи тему! Я видела счёт! И не рассказывай, что это была деловая встреча. Деловые встречи не заканчиваются в борделе у русалки!

Кристалл мигнул дважды.

— Да мне плевать…

Никого вокруг это не удивляло. Я тоже сделал вид, что не удивлён. Получалось плохо. Особенно когда мимо прошла девушка с ярко-синими волосами. Я обернулся. Она тоже обернулась.

— Нравятся? — спросила девушка.

— Что?

— Волосы.

— Я вывеску рассматривал.

Девушка посмотрела на вывеску над своей головой «Похоронное бюро “Последний путь”. Скидка десять процентов пенсионерам и участникам Четвёртой войны с нежитью. Каждый десятый гроб бесплатно».

— Полезное место, — заметила она.

— На вырост, — ответил я и сразу понял, что сказал какую-то чушь.

Она усмехнулась и пошла дальше. Прокоп высунул голову из вещмешка и посмотрел ей вслед.

— Даже не начинай, — предупредил я.

Прокоп тихо гоготнул.

Мне оставалось найти крышу над головой до наступления ночи. Желательно такую, которая не протекала и не пыталась съесть жильцов.

Я бродил по улицам почти час, пока не заметил доску объявлений. На ней предлагали амулеты, работу, ремонт артефактов и услуги частного некроманта с припиской «Поднимаем настроение, самооценку и родственников». Рядом висело объявление о розыске единорога. Моё внимание привлёк другой листок

«Сдаётся комната в центре Циолас. Для спокойных, чистоплотных и некурящих. Демонов не приводить. Животные по согласованию. Цена: 10 золотых в месяц. Улица Духов, дом 66, квартира 6».

Цена показалась подозрительно низкой. Но подозрения жильё не предоставляли, а вечер приближался. Я переписал адрес и отправился на поиски.

Через час стоял перед нужным домом. Ещё минут десять искал вход. Ещё пять квартиру. Нумерацию дверей видимо составлял пьяный человек. После квартиры четыре шла девять, потом два, потом чулан, а уже за ним обнаружилась шестая.

Я постучал. Дверь открылась почти сразу. На пороге стояла маленькая чёрная такса. Мы посмотрели друг на друга. Я заглянул в квартиру, надеясь увидеть хозяина. Никого. Только такса.

— Чего надо?

Я замер. Посмотрел направо. Никого. Налево тоже.

— Эй, деревня. Вниз смотри.

Я опустил взгляд. Такса смотрела на меня с выражением крайнего недовольства.

— Вы говорите?

— Нет. Это у тебя от усталости. Сейчас ещё стены запоют, а половик предложит интим.

— Я по поводу комнаты.

— А-а. Так бы сразу и сказал. Заходи. Только дверь закрой. У нас тепло не казённое.

Такса развернулась и пошла внутрь. Шла она важно, словно квартира принадлежала ей.

Я вошёл. Следом из вещмешка вылез Прокоп. Такса остановилась.

— Это что?

— Гусь. Прокоп.

— Я вижу, что не любовница. Почему он здесь?

— Он мой питомец.

— Гадит?

— Иногда.

— На пол?

— Куда попадёт.

Такса сузила глаза.

— Если попадёт на мои книги, из питомца он превратится в ужин.

Прокоп зашипел.

— А характер у него есть, — признала такса. — Ладно. Пусть живёт. Но аренда для птицы ещё пять серебряных.

— Почему?

— Потому что он уже смотрит на мой сапог как на женщину своей мечты.

Прокоп действительно заинтересованно разглядывал высокий кожаный сапог у двери. Я отвернул гуся к стене.

— Вы хозяин?

Такса медленно повернула голову.

— А кто, по-твоему?

Квартира оказалась старой, но уютной. Здесь пахло чаем, пылью, сушёными травами и чем-то магическим. На полках стояли книги, колбы, амулеты, кристаллы и несколько предметов, назначение которых я даже не пытался определить. На одном шкафу висела табличка «НЕ ТРОГАТЬ!». Судя по почерку, писал человек, который уже попробовал потрогать.

Такса провела меня по коридору и остановилась у двери.

— Вот комната.

Комната была маленькой. Кровать, стул и тумбочка занимали почти всё пространство. Оставалось немного места для меня и Прокопа.

— Берёшь? — спросила такса.

— Беру.

— Туалет и душ там. Кухня в конце коридора. В шкафу справа ничего не трогай.

— Там тоже табличка?

— Была. Её съели.

Я решил не спрашивать кто.

— Остались вопросы?

— Как вас зовут?

Такса на секунду замолчала. Видимо, ожидала другого.

— Эдгар. Но ты всё равно хотел спросить, почему я собака.

— Хотел.

— Я не собака. Я маг. Хотел превратиться в медведя, произнёс заклинание и немного ошибся.

— Немного?

— Не цепляйся к словам.

— Давно вы так?

— Часов шесть.

— Заклинание скоро закончится?

— Должно. Договор подписывать будем?

— Будем.

— Тогда на кухню. Иди медленнее. У меня ноги короткие.

На кухне Эдгар продиктовал условия и велел заполнить договор. Я дочитал до пункта, согласно которому хозяин не несёт ответственности за «временную утрату формы, памяти, голоса, тени, потенции и отдельных второстепенных органов».

— Какие органы считаются второстепенными? — спросил я.

— Те, без которых ты способен работать и платить аренду.

— Понятно. — С недоверием произнес я.

Эдгар попросил достать из ящика печать. Когда я взял её, она укусила меня за палец.

— Ай! Дрянь!

— Она всегда так, — спокойно сообщил Эдгар.

— Почему не предупредили?

— Хотел проверить, нравишься ли ты ей.

— И как?

— Не очень. Но тебя хотя бы не пытались утащить под стол.

Я вытер кровь и поставил подпись.

— Вольдемар Люпус.

— Эдгар де Пустогон. Можно просто Эдгар. Подпишу, когда верну руки.

Он протянул лапу. Я пожал её. Прокоп подошёл и тоже клюнул Эдгара в лапу.

— Это ещё что?

— Он скрепил договор.

Я отнёс вещмешок в комнату и принялся раскладывать вещи. Занятие оказалось недолгим. Запасная рубашка, штаны, несколько личных мелочей, еда, деньги и старый ошейник. Я задержал его в руках. Ошейник принадлежал нашей семье. Серебряные руны на внутренней стороне помогали молодому оборотню удерживать разум во время превращения. Отец носил его до тридцати лет. Теперь пришла моя очередь. Без него полнолуние могло закончиться плохо. Для меня, окружающих и особенно для того бедолаги, который решит погладить большую серую собачку. Я убрал ошейник в тумбочку. Прокоп устроился под кроватью и сразу уснул, сунув голову под крыло.

На кухню я вернулся с тушёнкой и овощами. Эдгар уже принял человеческий облик. На вид ему было около двадцати пяти. У него были голубые глаза, короткая стрижка и шрам, который тянулся от глаза к шее.

— Воды хочешь? — спросил Эдгар.

— Чаю.

— Тогда попроси его.

— Кого?

Чайник приподнял крышку.

— Меня, деревенщина.

Я уставился на него.

— Он разговаривает?

— К сожалению, — сказал Эдгар.

Я осторожно взял чайник за ручку.

— Только нежнее, красавчик, — сказал он. — Сначала за ручку, потом за носик. Не перепутай порядок, я приличная посуда.

Я едва не уронил его. Эдгар спокойно наблюдал.

— Он всегда такой?

— Нет. Иногда ещё хуже.

Чайник обиженно засопел.

— Никакой романтики в этом доме.

Я налил воду в кружки.

— Откуда он у тебя?

— Купил у одного артефактора. Но он забыл уточнить, что чайник раньше работал в публичном доме.

— Завидуй молча, мальчик, — сказал чайник и демонстративно выпустил пар.

Ужин получился простым. Тушёнка, овощи и крупа. Эдгар посмотрел в кастрюлю с осторожностью человека, повидавшего немало странных вещей, но всё ещё надеявшегося, что это не одна из них.

— Что это?

— Ужин.

— Я вижу. Из чего?

— Тушёнка, овощи, крупа.

— Всё это было съедобным до встречи друг с другом?

— Да.

— Уже неплохо.

Он взял тарелку. Прокоп вошёл на кухню и сел рядом со столом.

— Гуся не кормить, — предупредил Эдгар.

— Почему?

— Потому что он уже съел шнурок от моего сапога.

Прокоп невинно моргнул.

— Он нервничает на новом месте.

— Пусть нервничает подальше от обуви.

Первые минуты мы ели молча. Потом разговорились. Эдгар оказался общительным и язвительным. Он рассказал, где находятся лучшие лавки, какие улицы следует обходить вечером, почему нельзя спрашивать гномов о накладных бородах и что делать, если тебя укусила дверь.

— Подожди. В каком смысле укусила дверь?

— В прямом.

— Зубами?

— Нет, задницей. Конечно, зубами.

— И что делать?

— Главное не кусать в ответ. Они воспринимают это как брачное предложение.

Я медленно отложил ложку.

— Ты сейчас шутишь?

— Хотел бы я шутить. Дверь в соседний подъезд до сих пор пишет мне письма.

Говорящий чайник хрипло засмеялся.

— Она хотя бы не жалуется на твой размер.

— Заткнись.

Я решил сменить тему.

— Чем ты занимаешься?

— Чиню артефакты. Иногда проклятые. Иногда после ремонта они становятся проклятыми.

— А превращения?

— Хобби.

— Видимо неудачное.

— Я тебя приютил, а ты уже охренел. Быстро осваиваешься.

— Деревенская школа выживания.

Эдгар усмехнулся.

— А ты чем собираешься заниматься?

— Работу искать.

— Хороший план.

— Правда?

— Нет. Но другого у тебя всё равно нет.

— Тоже верно.

— В столице без работы быстро заканчиваются деньги.

— А с работой?

— С работой заканчивается свободное время, здоровье и вера в людей.

После ужина я отправился за газетой. Прокоп увязался за мной. Оставлять его одного в квартире Эдгар отказался.

К вечеру столица стала ещё оживлённее. Магические фонари заливали улицы золотистым светом. Над перекрёстками мерцали указатели, меняя стрелки в зависимости от движения. Из окон доносились музыка, смех и ругань. Высоко над крышами пролетело что-то огромное и крылатое. Прохожие даже не подняли головы. Только Прокоп проводил существо взглядом и предусмотрительно прижался к моей ноге.

У стены двое орков спорили с автоматом по продаже напитков.

— Он мои деньги съел! — возмущался первый.

— Может, голодный? — предположил второй.

— Это торговый автомат!

— Торговцы тоже едят.

— Он мне напиток должен!

— Скажи ему.

Первый орк наклонился к автомату.

— Эй! Ты мне напиток должен!

Автомат молчал.

— Видишь? Игнорирует.

— Может, ты грубо попросил.

— Я ему сейчас грубо стукну.

Орк ударил автомат кулаком. Тот загудел, мигнул и выдал бумажный флажок с надписью «Спасибо за покупку».

— Издевается, падла.

Автомат выплюнул второй флажок «Обращайтесь ещё».

Я прошёл мимо, решив не вмешиваться в экономический спор. Тем более автомат явно побеждал.

Киоск нашёлся на соседней улице. Я купил газету и отошёл к фонарю. Первое объявление обещало работу помощника мага «Опыт не требуется. Обучение на месте. Желательно наличие всех конечностей. Пропавшие без вести сотрудники считаются уволенными задним числом». Я перевернул страницу. Второе предлагало должность ночного сторожа на складе артефактов «Высокая оплата. Спокойная работа. Страховка не предусмотрена, поскольку страховые компании отказываются признавать существование нашего склада». Третье объявление гласило «Требуются сотрудники в отдел магической отчётности. Умение колдовать необязательно. Умение объяснять, почему колдовство не сработало, приветствуется. Опыт работы с документами от ста лет». Я вздохнул. Внезапно мне на глаза попалось предложение, выглядевшее почти нормально «Производственному предприятию “Северный молот” требуется инженер по обеспечению седьмого цеха. Опыт приветствуется. Готовность к нестандартным задачам обязательна. Заработная плата по результатам собеседования. Полный социальный пакет». Я перечитал объявление. Инженер по обеспечению. Звучало солидно. Но слова «нестандартные задачи» немного настораживали. Но в столице нестандартным могло оказаться даже объявление о продаже табуретки. Особенно если табуретка раньше была человеком.

— Решено. Завтра отправлюсь в «Северный молот», — пробормотал я.

Проходивший мимо гном резко остановился.

— В Северный молот?

— Да. А что?

Гном снял кепку. Сочувственно хлопнул меня по плечу и быстро ушёл. Я посмотрел ему вслед. Потом снова перечитал объявление. Ничего особенно страшного в нём не было. Полный социальный пакет, зарплата, нормальное название предприятия.

— Всё будет хорошо, — сказал я.

Гусь гоготнул. Прозвучало как издевательство.

Домой мы вернулись затемно. Эдгар открыл дверь в облике таксы, посмотрел на газету у меня под мышкой и на довольного Прокопа.

— Ну?

— Завтра иду на собеседование.

— Куда?

— В Северный молот. — Произнес я, снимая вещмешок.

Прокоп прошёл в квартиру и направился к сапогам Эдгара.

— Прокоп! — рявкнули мы одновременно.

Гусь остановился, подумал и свернул в мою комнату. Эдгар проводил его подозрительным взглядом.

Так закончился мой первый день в столице. Я обрёл комнату, друга, похабный чайник и собеседование на заводе, при упоминании которого незнакомые люди снимали головные уборы.

Глава 2

Утром я проснулся оттого, что нечто тёплое и мокрое ткнулось мне в ухо.

Я открыл глаза. На груди стояла такса. Эдгар смотрел сверху вниз со смесью недовольства и лёгкого презрения.

— Ты проспал.

— Доброе утро.

— Оно было добрым примерно час назад.

Я попытался повернуться, но Эдгар не сдвинулся. Для небольшой собаки весил он подозрительно много.

— Который час?

— Восемь.

— И что?

— Собеседование в десять. Ты не знаешь, где находится северный молот, не знаешь, сколько туда добираться, и тут пахнешь так, будто ты спал в одежде.

Я посмотрел на себя.

— Я и спал в одежде.

— Это многое объясняет, но ничего не исправляет.

Из-под кровати высунулась голова Прокопа. Гусь оглядел комнату, понял, что ничего интересного не происходит, и ущипнул меня за пятку.

— Ай!

— Вот видишь, даже птица считает, что тебе пора вставать.

— Он просто голодный.

— Не преуменьшай его интеллектуальное превосходство.

Я сел, осторожно переставив Эдгара на кровать.

— А ты почему опять такса?

Маг посмотрел на свои короткие лапы.

— Утренняя практика.

— Вчера ты сказал, что превращаешься случайно.

— Случайность, повторённая несколько раз, называется исследованием.

Он спрыгнул с кровати, прошлёпал к двери и остановился на пороге.

— На кухне завтрак. Не забывай про чайник.

Из коридора донёсся хриплый голос.

— Да брось, Эдди.

Эдгар закрыл глаза.

— Каждое утро одно и то же.

На кухне медный чайник стоял на плите, дрожал и тихо посвистывал. Когда я вошёл, крышка приподнялась.

— О, деревенский жеребец проснулся.

— Доброе утро.

— Для кого как. Меня поставили на огонь, довели до кипения и теперь собираются опустошить.

— Звучит как хорошая ночь в дешёвом борделе, — заметил Эдгар, входя следом.

— Тебе откуда знать? Тебя туда без хозяина не пустят.

Такса зарычала. Чайник сразу засвистел громче, притворяясь обычной посудой.

На столе стояли хлеб, сыр и остатки вчерашней каши. Рядом лежала раскрытая книга в чёрном переплёте. Страницы сами переворачивались, хотя окна были закрыты.

Прокоп прошёл на кухню, заглянул под стол, проверил миски и остановился перед Эдгаром.

— Нет, — сказал маг.

Гусь наклонил голову.

— Не смотри на меня так.

Прокоп шагнул ближе.

— Я сказал — нет.

Гусь ущипнул его за ухо.

— Ах ты пернатая сволочь!

Эдгар бросился за ним. Прокоп вылетел в коридор. Такса, ругаясь, погналась за ним. Через минуту оба вернулись. Внезапно кухню окутало облако синего дыма. Когда оно рассеялось, на стуле сидел Эдгар в человеческом облике. Волосы торчали во все стороны, на правом ухе остался след от гусиного клюва, а выражение лица обещало Прокопу долгую и мучительную месть.

— Если он ещё раз меня укусит, я превращу его в курицу.

Прокоп проглотил сыр и демонстративно отвернулся.

— Ты знаешь, где находится северный молот? — спросил я.

— Знаю.

— И?

— И не завидую тебе.

— Очень ободряюще.

— Я реалист. Завод находится в промышленном районе. Пешком отсюда часа полтора, если не заблудишься. Два, если заблудишься.

— А трамвай?

— Ходит. Через квартал, который местные называют Тихим.

— Звучит неплохо.

— После Четвёртой войны с нежитью город заключил мирный договор. По одному из его пунктов нежить получила отдельный район. Официально он называется зоной компактного проживания граждан с особым посмертным статусом.

— А неофициально?

— Тихий квартал.

— Почему?

— Большинство жителей там не дышат. Остальные стараются не привлекать внимания.

Я перестал жевать.

— Там опасно?

— В основном нет. Зомби, скелеты, призраки, несколько некромантов. Обычные соседи, только мёртвые. Уровень преступности ниже, чем в центре.

— Почему?

— Убивать уже некого.

Чайник хрипло рассмеялся и забулькал.

— Хороший район. Я там с одной самоварихой встречался. Горячая была баба. Правда, краник подтекал.

— Тебя никто не спрашивал, — сказал Эдгар.

Эдгар открыл шкаф и достал странную медную коробочку. По бокам у неё торчали две короткие лапки, а спереди находились круглые стеклянные глаза. Один был заметно больше другого. Он поставил коробочку на стол. Та ожила, потянулась и посмотрела на меня.

— Что это?

— Навигационный компас.

— Почему с ногами?

— Первый образец всё время терялся.

— А ноги помогают ему не теряться?

— Нет. Теперь он иногда убегает сам. Но я работаю над этим.

Компас обошёл чашку, обнюхал мою руку и недоверчиво щёлкнул стрелкой.

— Он показывает север?

— Слишком просто. Он ищет источники магической энергии. Я настроил его на частоту северного молота. Если заблудишься, иди туда, куда он смотрит.

— Спасибо.

— Не благодари. Вернёшь вечером.

— А если меня не возьмут?

— Всё равно вернёшь. Он стоит дороже, чем всё твоё имущество вместе с гусём.

Прокоп возмущённо гоготнул.

— Не обижайся, — сказал ему Эдгар. — Ты бесценен. В том смысле, что за тебя никто не заплатит.

Компас подбежал к краю стола и попытался спрыгнуть. Эдгар поймал его за заднюю лапу и сунул мне в карман. Оттуда немедленно донеслось недовольное жужжание.

— Он не задохнётся?

— Нет.

Я доел кашу и поднялся.

— Постой, — сказал Эдгар.

Он осмотрел меня с ног до головы.

— Что?

— Ты в таком виде пойдёшь?

— А что не так?

— На рубашке пятно.

Я посмотрел вниз.

— Где?

— На груди.

— Это узор.

— Узоры обычно повторяются. А это выглядит так, будто ты проиграл драку супу.

Пришлось переодеться. Когда я вернулся, Эдгар поправил мне воротник, стряхнул с плеча нитку и неожиданно стал похож на мать. Это напугало сильнее, чем говорящий чайник.

— На собеседовании не умничай, — посоветовал он. — Но и глупым не выгляди.

— А что тогда делать?

— Молчи с уверенным лицом. Так половина столицы строит карьеру.

Я забросил вещмешок на плечо. Там были мои документы и перекус в дорогу.

— Нет, — сказал я. — Ты остаёшься.

Гусь продолжил идти.

— На завод нельзя. Там машины, огонь и злые гномы.

Прокоп остановился перед вещмешком и посмотрел на меня.

— Не смотри так.

Он посмотрел ещё выразительнее.

— Эдгар, проследишь за ним?

— За кем?

— За Прокопом.

— Нет.

— Почему?

Эдгар посмотрел на гуся. Гусь посмотрел на Эдгара. Между ними возникло молчаливое взаимопонимание двух существ, которые терпеть друг друга не могли.

— Ладно, — сказал Эдгар. — Но если он сожрёт хоть одну книгу, вечером у тебя будет жаркое.

Прокоп зашипел.

— И тебе доброе утро.

Я наклонился к гусю.

— Веди себя прилично.

Прокоп ущипнул меня за рукав.

— Считай, что обещал, — сказал Эдгар.

Я вышел из квартиры. Спускаясь по лестнице, услышал за дверью грохот, гусиный крик и яростное: — Отдай носок, тварь!

Возвращаться я не стал.

Промышленный район встретил меня дымом. Улицы здесь были шире, чем в центре, но казались теснее из-за труб. Они ползли по стенам, ныряли под мостовую, переплетались над головой и исчезали в зданиях. По одним что-то текло с шипением, по другим с бульканьем. Третьи просто дрожали. Когда я проходил под особенно толстой трубой, она тяжело вздохнула. Я ускорил шаг. Компас сидел в кармане и время от времени ворочался. На очередном перекрёстке он высунул лапки, выбрался наружу и указал стеклянным глазом на широкую улицу.

— Туда?

Компас моргнул.

— Один раз да, два нет.

Он моргнул дважды. Я пошёл в другую сторону. Компас запищал и начал биться о карман.

— Значит, два раза да?

Он снова моргнул дважды.

— Ты отвратительно объясняешь.

Компас развернул стрелку. Её средняя часть подозрительно напоминала неприличный жест.

— Эдгар тебя этому научил?

Компас гордо щёлкнул.

Через несколько минут я увидел завод. Высокие трубы выбрасывали в небо не дым, а сиреневое свечение. Между корпусами тянулись металлические переходы. По ним двигались рабочие и небольшие механические тележки. За каменной стеной что-то грохотало, свистело и время от времени взрывалось. После каждого взрыва звонил колокол. Я немного постоял, прислушиваясь. Колокол прозвенел ещё раз. Никто не закричал, поэтому я решил, что всё идёт по плану. Над главными воротами висела металлическая табличка «СЕВЕРНЫЙ МОЛОТ. ПРОИЗВОДСТВО МАГИЧЕСКИХ МАШИН». Ниже располагалось предупреждение «ОСТОРОЖНО! НА ТЕРРИТОРИИ РАБОТАЮТ ЛЮДИ, ГНОМЫ, ОРКИ, ГОБЛИНЫ, ЭЛЬФЫ И ОДИН КОТ. КОТА НЕ КОРМИТЬ».

За воротами тянулась очередь. Впереди стоял орк с газетой, за ним нервничал гоблин, дальше курил эльф в длинном светлом пальто. Потом шёл я. Эльф докурил сигарету, аккуратно затушил её о подошву и сразу достал следующую.

— Здесь можно курить? — спросил гоблин.

Эльф посмотрел на таблички.

— Запрета нет.

Он щёлкнул пальцами. На кончике указательного возник огонёк, от которого эльф прикурил. Я впервые видел мага, использовавшего волшебство исключительно ради вредной привычки.

— Тоже на собеседование? — спросил меня гоблин.

— Да.

— На какую должность?

— Инженер по обеспечению седьмого цеха.

Гоблин перестал перебирать пальцами. Орк опустил газету. Эльф замер с сигаретой во рту.

— Что? — спросил я.

— Ничего, — быстро ответил гоблин.

— Это объявление висит уже полгода, — сказал орк.

— И что?

— За это время приходили сорок три кандидата.

— И где они?

Орк посмотрел на завод. Гоблин тоже посмотрел на завод. Эльф глубоко затянулся.

— Наверное, работают, — предположил я.

— Правильный настрой, — сказал орк и снова раскрыл газету.

— А что не так с седьмым цехом?

— Я не знаю, — ответил гоблин. — И хочу продолжать не знать. У меня жена, дети и кредит на стирального голема.

Эльф выпустил дым.

— В прошлом месяце оттуда вынесли инженера.

— Раненого?

— Разобранного.

Я начал жалеть, что оставил Прокопа дома. С ним было бы не безопаснее, но хотя бы спокойнее.

Очередь медленно двигалась. Во дворе сновали рабочие, катились тележки и топали механические погрузчики. Один тащил ящик с надписью «НЕ ПЕРЕВОРАЧИВАТЬ. НЕ ТРЯСТИ. НЕ ЗЛИТЬ». Погрузчик споткнулся. Ящик рухнул на землю. Внутри что-то завороча-лось и ударило в стенку. Погрузчик замер. Потом осторожно попятился, развернулся и уехал, изображая полную непричастность.

Наконец подошла моя очередь. За стойкой сидел гном с густой рыжей бородой, заплетённой в две косы. На носу держались очки с толстыми линзами.

— Имя, фамилия, — произнёс он низким голосом.

— Вольдемар Люпус.

— Цель визита?

— Собеседование. Инженер по обеспечению седьмого цеха.

Перо в его руке замерло. Гном снял очки, протёр краем бороды и надел обратно.

— Уверен?

— В объявлении так написано.

— В объявлении много чего написано. Там ещё указан полный социальный пакет. Знаешь, что в него входит?

— Нет.

— Правильно. Никто не знает. Говорят, один бухгалтер выяснил, но после этого ушёл в монастырь. — Говорил гном, ставя отметку в журнале.

— Коридор до конца, потом налево. Дверь с табличкой отдел кадров.

— Понял.

— Не перепутай с дверью отдел кадров, не входить. Это разные помещения.

— А что за второй дверью?

— Государственная тайна.

Гном потерял ко мне интерес и махнул следующему кандидату. Я прошёл внутрь. Коридор оказался длинным, низким и заставленным шкафами. По потолку тянулись трубы. Из одной доносилось тихое пение. Кто-то выводил грустную песню о шахтёре, золоте и неверной

женщине. Песня оборвалась на высокой ноте. Внутри трубы кто-то выругался. В конце коридора действительно обнаружились две одинаковые двери. На первой было написано «Отдел кадров». На второй «Отдел кадров, не входить».

Я остановился. Из-за второй двери донёсся приятный женский голос: — Молодой человек, зайдите на минутку.

Я постучал в первую дверь.

— Входите, — ответили изнутри.

Кабинет был тесным и душным. Шкафы ломились от папок. На подоконнике медленно умирал цветок. На стене висел портрет сурового мужчины. Подпись гласила «ОН ВАС ВИДИТ». Кто именно указано не было. За столом сидела седая женщина с волосами, собранными в тугой пучок. Очки висели на цепочке. В руке она держала перо.

— Садитесь.

Я сел. Стул скрипнул.

— Не раскачивайтесь, — сказала женщина. — Предыдущий кандидат раскачивался.

— И что?

— Теперь не раскачивается. Фамилия?

— Люпус.

— Имя?

— Вольдемар.

— Возраст?

— Двадцать пять.

— Семейное положение?

— Холост.

— Дети?

— Нет.

— Зависимые существа? Фамильяры, проклятые родственники, домашние чудовища?

— Есть гусь.

Перо остановилось.

— Обычный?

— Насколько мне известно.

Она поставила галочку.

— Судимости?

— Нет.

— Проклятия?

— Насколько мне известно, тоже нет.

— Насколько известно или нет?

— Нет.

— Ликантропия?

— Наследственная.

Женщина подняла глаза.

— Амулеты есть?

— Есть. Ошейник.

— Носить с собой. Полнолуние по графику не переносится, даже если совпадает со сменой. Самовольное пожирание коллег считается порчей имущества предприятия.

— Работники считаются имуществом?

— Некоторые да.

Она перевернула страницу.

— К магическим культам принадлежите?

— Нет.

— К тайным обществам?

— Нет.

— К сектам конца света?

— Нет.

— Планируете?

— Нет.

— Все так говорят. А потом приходят в балахонах, режут козу в раздевалке и проводят обряды.

Перо заскрипело.

— Опыт работы с промышленными магическими механизмами?

— Нет.

— А просто опыт работы?

— Охранял коров от грифонов.

Перо снова остановилось.

— Что входило в обязанности?

— Следить за стадом, проверять ограду, чинить ворота, вести учёт корма, отгонять грифонов и объяснять хозяину, почему одна из коров опять оказалась на крыше сарая.

Женщина что-то записала.

— Значит, опыт работы в агрессивной среде есть. Хорошо… А вы кстати умеете читать техническую документацию? — Внезапно спросила она.

— Если она написана понятно.

— Значит, не умеете.

— Шёпота из стен боитесь?

Я задумался.

— Зависит от того, что шепчут.

Маргарита Семёновна впервые едва заметно улыбнулась и закрыла анкету.

— Предварительную часть вы прошли.

— Уже?

— А вы ожидали испытание?

— Хотя бы вопросы по профессии.

— Их задаст начальник цеха.

Маргарита Семёновна поднялась и взяла анкету.

— Идёмте.

— Куда?

— В седьмой цех.

— Прямо сейчас?

— Нет, через три месяца. Конечно, сейчас. Начальник не любит, когда кандидатов принимают без него.

Чем дальше мы уходили от административного корпуса, тем громче становился завод. Сначала гул просто чувствовался под ногами. Затем добавились лязг металла, шипение пара, удары молотов и ругань рабочих. Вдоль широких проходов двигались тележки. Под потолком ползли мостовые краны, перенося огромные детали. Один кран тащил металлическое кольцо размером с дом. На кольце сидел рабочий и спокойно ел бутерброд.

Мы миновали механический цех, литейный участок и дверь с надписью «ЛАБОРАТОРИЯ ПЕРСПЕКТИВНЫХ РАЗРАБОТОК. ЗАХОДИТЬ В ЗАЩИТНЫХ ОЧКАХ».

За дверью вспыхнул зелёный свет.

— Всё нормально? — спросил я.

— Если бы было ненормально, свет был бы красным.

Свет немедленно стал красным. Маргарита Семёновна ускорила шаг. Через несколько секунд за спиной раздался хлопок. По коридору пролетела белая лабораторная мышь с крыльями.

Вскоре мы оказались перед массивными железными воротами с цифрой семь. Поверх металла шли глубокие царапины. Некоторые находились на высоте человеческого роста, другие под самым потолком. Рядом висела доска «ЦЕХ № 7. ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЁН. СВОИМ ПО ПРОПУСКАМ». Маргарита Семёновна толкнула боковую дверь. На нас обрушился грохот. Внутри было жарко. В центре стояла машина высотой с трёхэтажный дом. Она состояла из колёс, поршней, медных катушек и светящихся рун. Один из механизмов выплюнул облако пара. Из него вышел гном. Он был невысоким даже для гнома, но вдвое шире меня в плечах. Густая чёрная борода была перехвачена металлическими кольцами с выбитыми рунами. На голове сидела помятая каска. В левой руке гном держал планшет, в правой разводной ключ размером с мою ногу.

— Грундольф Крагг! — крикнула Маргарита Семёновна. — Кандидата привела!

Гном повернулся. Посмотрел на кадровика. Потом на меня. Потом снова на кадровика.

— Ур-р-гха шнокер дрымба кхаста!

— Он рад вас видеть, — перевела Маргарита Семёновна.

По интонации гнома я бы так не сказал.

— Грынд фарах! Могра дун! Швахен тыр-тыр, багра каш!

— И надеется на плодотворное сотрудничество.

Грундольф потряс ключом и указал им на меня.

— Харг!

— Спрашивает, есть ли у вас опыт.

Маргарита Семёновна повернулась к гному.

— Опыта нет.

Начальник цеха побагровел.

— НЕТ?! ГРЫМБАХ ТУХЛЕН! ШВАРРА КРЫС! ДОРГЕН ФЫР-ФЫР КАНЦЕЛЯРЕН!

Последнее слово я понял. Кажется, гном ругался на канцелярию.

— Он говорит, что обучение молодых специалистов является важной частью корпоративной культуры, — невозмутимо перевела Маргарита Семёновна.

— Вы уверены?

— Я работаю с ним двадцать два года.

Грундольф подошёл ближе. Его макушка едва доходила мне до груди, но желания смотреть свысока не возникало. Особенно когда он упёр разводной ключ в пол и оставил в камне вмятину. Гном обошёл меня. Потрогал ткань рубашки. Дёрнул за рукав. Постучал костяшкой по лбу.

— Это обязательно?

— Он оценивает кандидата.

— Как лошадь?

— Лошадям он смотрит зубы.

Грундольф отступил.

— Руки! — неожиданно сказал он на общем языке.

Я показал ладони. Гном схватил меня за запястья и осмотрел пальцы.

— Все на месте.

Маргарита Семёновна кашлянула.

— Перейдём к собеседованию.

Она подвела нас к столу в углу цеха. На нём лежали чертежи, гайки, инструменты, три кружки и бутерброд, покрытый металлической стружкой. Грундольф сел на ящик. Мне указал

на табурет. Одна ножка была короче остальных. Я решил, что это первая проверка, и остался стоять. Гном одобрительно хмыкнул.

Маргарита Семёновна раскрыла анкету.

— Вольдемар работал в сельском хозяйстве. Занимался охраной стада, ремонтом ограждений, учётом запасов и защитой от грифонов.

— Грифонов? — переспросил Грундольф.

— Да.

— Сколько?

— Обычно два. Иногда три.

— Чем отгонял?

— Длинной палкой.

Гном прищурился.

— И помогало?

— Да.

— А магия?

— Не владею.

— Арбалет? Ружьё?

— Нет.

Внезапно гном подвинул ко мне металлическую деталь. Это был сложный узел из шестерёнок, пружин и медных пластин.

— Что это?

Я взял деталь и осмотрел.

— Не знаю.

Грундольф приподнял бровь.

— Хорошо. А что с ней не так?

Я покрутил механизм. Внутри что-то звякнуло. Одна шестерёнка болталась, а между пластинами застрял небольшой винт.

— Винт выпал.

— Откуда?

— Не знаю.

— Что будешь делать?

— Найду чертёж.

— Чертежа нет.

— Спрошу того, кто собирал.

— Он умер.

— Давно?

— Двадцать лет назад.

— Тогда спрошу того, кто разбирается в ремонте.

Уголок рта гнома дрогнул.

— А если никто не разбирается?

— Значит, механизм двадцать лет работал без этого винта. Положу винт рядом и сначала проверю, нужен ли он вообще.

Грундольф посмотрел на Маргариту Семёновну.

— Не совсем идиот.

— Я отмечу это в анкете, — сказала она и перевернула лист.

— Следующая ситуация. В цехе остановилась линия. Рабочие утверждают, что сырья нет. Склад утверждает, что сырьё выдали. По документам сырьё находится в цехе. Ваши действия?

— Ищу сырьё.

— Где?

— Сначала там, где его быть не должно.

Грундольф ударил ладонью по столу.

— Берём!

— Собеседование ещё не окончено, — заметила Маргарита Семёновна.

— Уже окончено.

— По процедуре положено задать все вопросы.

Гном закатил глаза и заговорил на своём языке: — Шнарга бумажен, клякса морден, тьфу на регламентен!

— Господин Крагг выражает уважение к утверждённым процедурам, — пояснила Маргарита Семёновна.

— Мне кажется, вы переводите не совсем точно.

— Дословный перевод нарушает внутренние правила приличия. Продолжим. Представьте, что рабочий отказывается выполнять вашу заявку.

— Узнаю почему.

— Он говорит, что занят.

— Спрошу, когда освободится.

— Он говорит, что никогда.

— Обращусь к начальнику участка.

— Начальник участка говорит, что рабочий прав.

— Тогда обращусь к начальнику цеха.

— А начальник цеха скажет, что шварглы вы оба, — вставил Грундольф.

— Тогда попробую договориться с рабочим.

— Чем?

— В деревне обычно помогали еда и самогон.

Грундольф задумался.

— Алкоголь на территории предприятия запрещён, — сказала Маргарита Семёновна.

— Шмырга канцелярен! — оскалился гном.

— Я тоже рада, что мы прояснили этот вопрос.

В этот момент над цехом раздался металлический скрежет. Большая машина в центре вздрогнула. Руны на корпусе вспыхнули оранжевым. Один поршень остановился. Второй продолжил двигаться и с каждым ударом загибал соединительную тягу. Рабочие заголосили.

— Стоять! — заревел Грундольф.

Он спрыгнул с ящика и понёсся к машине. Несмотря на короткие ноги, двигался гном с такой скоростью, будто его выстрелили из пушки.

— Что происходит? — спросил я.

— Практическая часть собеседования, — ответила Маргарита Семёновна.

— Правда?

— Нет.

Машина загрохотала сильнее. Один рабочий тянул рычаг. Другой бил по панели. Третий стоял рядом и давал советы, что на любом производстве считалось самой безопасной работой.

— Подачу перекрыть! — кричал Грундольф. — Шварра…

Грундольф выдал длинную фразу на гномьем. Несколько находившихся рядом гномов побледнели. Один снял каску и прижал к груди. Из-под машины по полу текла светящаяся синяя жидкость. Воздух пах грозой и горелой шерстью.

— Не наступайте, — предупредила Маргарита Семёновна. — Может поменять местами внутренние органы.

Я немедленно отступил.

— Это смертельно?

— Не всегда. Один слесарь так живёт уже третий год. Правда, ест он теперь через трубочку и ходит очень осторожно.

Машина содрогнулась. На трубе над нами задрожал манометр. Стрелка ушла в красную зону.

— Давление растёт! — крикнул кто-то.

— Я вижу! — рявкнул Грундольф.

— Что делать?

— Сбросить!

— Куда?

— Шварг!

Рабочие заметались. Я смотрел на механизм, почти ничего не понимая. Затем услышал знакомый звук. Глухое бульканье. Так же булькали трубы в нашей деревне, когда в них попадал воздух.

— Там пробка! — крикнул я.

Грундольф повернулся.

— Что?

— Воздушная пробка! Или магическая. Не знаю. Но труба не пропускает жидкость!

— Какая труба?

Я прислушался и указал наверх.

— Эта!

Гном проследил за моей рукой. Изогнутая медная труба проходила под потолком и входила в основной резервуар.

— Степан! — заорал он. — Верхний спускной!

Из-за машины высунулась каска с вмятиной.

— Он же заклинил!

— Отклини!

— Чем?

Грундольф бросил ему разводной ключ. Степан едва успел увернуться. Ключ ударился о лестницу и погнул две ступени.

— Понял!

Степан схватил ключ, молоток и полез наверх. Через несколько секунд раздался скрежет. Потом удар. Ещё один. После пятого клапан сорвало. Из трубы вырвался фонтан пара. Степан исчез в облаке и выругался. Давление на манометре начало падать. Машина кашлянула, выплюнула искры и постепенно вернулась к прежнему ритму. Оранжевые руны снова стали синими. Рабочие облегчённо вздохнули. Тот, который давал советы, важно кивнул, словно именно он всё починил. Степан спустился. Лицо у него было чёрным от копоти.

— Живой? — спросил Грундольф.

— Да.

— Клапан заменить.

— Так он ещё работает.

— Тогда зачем я полгода назад заказал новый?

— Новый на складе.

— Почему?

— Старый же работает.

Грундольф закрыл глаза. Борода его задрожала. Потом он произнёс длинную фразу на гномьем. Начал спокойно, продолжил громко и закончил так, что ближайшая руна на корпусе машины погасла.

Маргарита Семёновна повернулась ко мне.

— В этой части перевод лучше опустить.

— Я частично его понял.

Гном вернулся к столу.

— Откуда понял про пробку?

— У нас в деревне водопровод так звучал.

— Это не водопровод.

— Звучит похоже.

— Это контур охлаждения эфирного сердечника.

— А булькает как водопровод.

Грундольф посмотрел на меня, на машину и снова на меня.

— Берём.

На этот раз Маргарита Семёновна не возражала. Она сделала последнюю отметку и протянула мне бумагу.

— Испытательный срок три месяца. Выходите завтра к восьми. Зарплата дважды в месяц. Переработки оплачиваются согласно внутреннему положению.

— Можно посмотреть положение?

— Можно подать заявление на ознакомление.

— И долго его рассматривают?

— В пределах месяца.

Я взглянул на Грундольфа.

— Что входит в мои обязанности?

— Всё.

— Можно точнее?

— Чтобы у рабочих было чем работать. Чтобы машины не стояли. Чтобы склад выдавал детали. Чтобы детали подходили. Чтобы заявки не терялись. Чтобы начальство не орало.

— А вы будете орать?

— Буду.

— Даже если всё работает?

Грундольф задумался, а Маргарита Семёновна протянула мне ещё один лист.

— Подпишите согласие с техникой безопасности.

Я пробежал глазами текст.

— Здесь написано, что предприятие не несёт ответственности за временное изменение пола, возраста, вида, агрегатного состояния и отношения к жизни.

— Стандартная форма.

— Что значит временное?

— До конца трудовых отношений.

— То есть если я превращусь в табурет…

— При увольнении вас обязаны расколдовать.

— А до увольнения?

— Будете числиться инвентарём, — ответил Грундольф. — У нас один токарь третий год шкафом работает. Удобный. Инструменты храним.

Я посмотрел на строку для подписи. Потом на машину. Потом на Грундольфа.

— А социальный пакет?

Маргарита Семёновна поправила очки.

— Бесплатный чай, рабочая форма, медицинский пункт и скидка десять процентов в похоронном бюро последний путь.

— Я видел их вывеску.

— У предприятия с ними договор.

— Долгосрочный?

— Взаимовыгодный.

Я подписал бумагу. Грундольф протянул широкую ладонь. Я пожал её. Мои пальцы жалобно хрустнули.

— Завтра в восемь. Не опаздывай.

— Не буду.

— Все так говорят.

В глубине цеха снова что-то грохнуло. Грундольф повернул голову.

— ШМАРГА ДРЫНЬ!

Он схватил ключ и убежал.

— Что он сказал? — спросил я.

— Добро пожаловать в коллектив, — ответила Маргарита Семёновна.

Мне показалось, что она врёт.

Когда мы вернулись в отдел кадров, часы показывали почти четыре. Я получил временный пропуск, комплект документов и памятку для новых сотрудников. На обложке был изображён улыбающийся рабочий с поднятым большим пальцем. За его спиной горел цех. Под картинкой стояла надпись «ПАНИКА НЕ УСТРАНЯЕТ АВАРИЮ».

Я убрал бумаги в вещмешок. Проходя по коридору, снова услышал смех за второй дверью отдела кадров.

— Что всё-таки там находится?

Маргарита Семёновна ускорилась.

— Архив уволенных.

— Почему он смеётся?

— Честно. Сама не знаю.

Больше вопросов я не задавал.

На улице всё так же висел серый дым. Смена подходила к концу, и через проходную тянулись уставшие люди, орки, гномы и гоблины. Некоторые выглядели обгоревшими. Некоторые счастливыми. Один был прозрачным, но, судя по тому, как он ругался на мастера, это не мешало ему оставаться полноценным членом коллектива.

Я достал компас Эдгара. Тот высунулся из кармана, оглядел завод и указал на юг.

— Домой?

Компас кивнул всем корпусом.

— А покороче?

Он повернулся к трамвайной остановке. Эдгар советовал идти пешком. Но после собеседования, экскурсии и небольшой производственной аварии мне хотелось только сесть. Желательно на что-то, что раньше не было токарем.

Остановка находилась у поворота, где трубы загибались вниз и уходили под землю. Над ней висел проржавевший жестяной навес. На остановке стояли гоблин в очках и скелет в форме кондуктора. Скелет курил сигарету. Я некоторое время наблюдал, как дым входит между зубами, проходит сквозь рёбра и выходит наружу. Скелет заметил мой взгляд.

— Что?

— Ничего.

— Никогда не видел курящего скелета?

— Не понимаю, как вы это делаете.

Он посмотрел на сигарету.

— Привычка.

Скелет глубоко затянулся. Дым снова прошёл сквозь грудную клетку.

— Удобно, — признал я.

— Не особенно.

Подъехал старый трамвай. Я вошёл, сел у окна и приготовился к поездке через Тихий квартал. На первой остановке вошёл зомби. Обычный зомби: сероватая кожа, дорогой пиджак, галстук, портфель. Он кивнул кондуктору, сел напротив и достал газету недельной давности.

— Старые новости? — спросил я прежде, чем успел подумать.

Зомби поднял глаза.

— Мне спешить некуда. — Сказал он, разверачивая газету.

На следующей остановке вошла женщина-призрак. Полупрозрачная, в домашнем халате и с бигуди на голове. Она села рядом со мной и тяжело вздохнула. Стекло запотело.

— Ох.

Я промолчал.

— Опять этот скелет из третьего подъезда всю ночь стучал.

Я кивнул, будто понимал, о чём речь.

— Я ему говорю. Геннадий, у тебя ни мышц, ни нервов, откуда столько энергии? А он мне отвечает мол ремонт делает. Тридцать семь лет ремонт делает! Уже жена умерла, дети умерли, он умер, а ремонт всё идёт.

— Может, скоро закончит.

Призрак посмотрела на меня.

— Молодой вы ещё. Ничего не понимаете. Ремонт нельзя закончить. Его можно только бросить.

Трамвай дёрнулся и поехал дальше.

— А вчера захожу на кухню, — продолжила женщина, — там сосед-некромант что-то варит. Я спрашиваю. Ксардас, что готовишь? Он говорит, что Суп. Я спрашиваю из чего? А он ответил, что мне лучше не знать. Ну разве так можно? В общем доме живём. Кухня одна. А у него из кастрюли рука торчит.

На следующей остановке вошёл скелет с собакой. Собака была живая. Пёс не сводил с хозяина голодных глаз.

— Шарик, мы это обсуждали.

Собака облизнулась.

— Я тебе косточку вчера покупал.

Пёс посмотрел на его ногу.

— Даже не думай.

На следующей остановке в трамвай поднялся крупный орк с авоськой. Он сел, поставил авоську на колени и открыл книгу «Как перестать бояться женщин».

Призрак снова вздохнула. Окно окончательно запотело.

— А вы знаете, у нас новый магазин открыли? — спросила она.

— Нет.

— Всё для нежити. Гробы, саваны, свечи, мази от разложения. Даже новые кости продают. Скелет поднял голову.

— Где?

— На улице Мёртвых Женихов, рядом с цветочным.

— Спасибо.

Тихий квартал оказался не таким страшным, как я представлял. Дома выглядели обычными. На балконах сушилось бельё. В окнах горел свет. Во дворе несколько скелетов играли в нарды. Рядом зомби выгуливал маленького живого пуделя.

Разница заключалась лишь в том, что здесь никто не боялся смерти. Максимум повышения квартплаты.

Скелет-кондуктор докурил и пошёл по вагону.

— Билетики.

Я протянул свой. Он посмотрел на билет. Потом на меня. Потом снова на билет.

— Северный молот?

— Да.

— На работу устроился?

— Сегодня.

— Какой цех?

— Седьмой.

Скелет положил костлявую ладонь мне на плечо, вернул билет и пошёл дальше.

Когда трамвай выехал из Тихого квартала, на город опустился вечер. Зажглись магические фонари. В окнах домов появился тёплый свет. Сиреневое сияние завода осталось далеко позади, но всё ещё было видно над крышами. Я смотрел на него и думал о завтрашнем дне.

Домой я вернулся, когда уже стемнело. Поднялся по лестнице, открыл дверь и сразу понял, что за время моего отсутствия произошло что-то нехорошее. В коридоре валялась раскрытая книга. Из ванной тянулся мокрый след. На стене висел носок. Навстречу мне вышел Эдгар в человеческом облике. Волосы были мокрыми, рубашка расстёгнута, а в руке он держал половник.

— Забери своего гуся.

— А где он?

— На кухне.

— Что случилось?

— Он украл амулет, забрался в ванну, открыл воду и два часа изображал морского змея.

Из кухни донёсся гогот. Я заглянул туда. Прокоп стоял на столе. Перед ним лежала кучка монет, два карандаша, серебряная ложка, пуговица. Прокоп увидел меня, спрыгнул со стола и подошёл. Я взял его под крыло, осмотрел и поставил на пол.

— Ты вёл себя плохо?

Гусь молчал.

— Он не станет свидетельствовать против себя, — сказал незнакомый голос.

За столом сидел худой длинноволосый эльф. На вид ему можно было дать и двадцать пять, и двести пятьдесят лет. У него было узкое лицо, острые скулы и зеленовато-серые глаза. Перед ним лежали блокнот, карандаш и раскрытая пачка сигарет. Одна сигарета тлела между пальцами. Эльф посмотрел на меня сквозь тонкую полосу табачного дыма.

— Если ты прошёл собеседование, соболезную.

— Мне сегодня многие это говорили.

— Знакомься. Фиглиан. Для тех, кто ему нравится, Фигли. Работает в седьмом цехе.

Фигли протянул руку, не выпуская сигареты из другой.

— Я там травником числюсь.

Я пожал его сухую прохладную ладонь.

— Вольдемар. Инженер по обеспечению.

Фигли затянулся и передвинул пепельницу ближе. Курил он не изящно, как богатые столичные эльфы на рекламных плакатах. Он курил как человек, который однажды решил сократить жизнь, но вспомнил, что у эльфов она слишком длинная, и превратил это в долгосрочный проект.

— А травник чем занимается на заводе? — спросил я.

— Слежу за сырьём растительного происхождения. Масла, смолы, волокна, лечебные составы, технические настои. Иногда выращиваю редкие растения. — Улыбнулся эльф.

Эдгар поставил половник на стол.

— Ну? Взяли?

— Взяли. Завтра к восьми.

— Кто собеседовал?

— Маргарита Семёновна и Грундольф Крагг.

Фигли замер. Пепел с сигареты наконец упал.

— Крагг говорил на общем?

— Иногда. В основном ругался по гномьи.

— Значит, понравился.

— Почему?

— Если ты ему не нравишься, он ругается на общем. Чтобы понял.

Эдгар достал из шкафа три кружки.

— Это надо отметить.

Он поднял бутылку из тёмного стекла. Этикетки не было, а пробка оказалась залита красным воском. Внутри плескалась мутноватая жидкость.

— Что это?

— Слёзы гнома, — ответил Эдгар.

— Звучит как напиток, после которого не встают.

— Всё верно. В простонародье самогон.

Фигли принюхался.

— Это тот, что ты покупал у братьев Бульк?

— Да.

— Они же умерли.

— От самогона? — Спросил я.

— Нет. Подрались из-за рецепта. Один добавлял можжевельник, второй считал это предательством семейных ценностей.

Эдгар сорвал воск и вытащил пробку. Запах мгновенно заполнил кухню. Прокоп подошёл к столу.

— Тебе нельзя, — сказал я.

Гусь посмотрел на бутылку, потом на меня.

— Даже не проси.

— Дай ему каплю, — предложил Фигли. — Может, успокоится.

— А если нет?

— Тогда у нас будет пьяный агрессивный гусь.

Я отодвинул Прокопа ногой. Эдгар разлил напиток. Жидкость оказалась прозрачной, хотя запах у неё был такой, будто в бутылке утопили сапог.

— За что пьём? — спросил Фигли.

— За знакомство и трудоустройство, — сказал Эдгар.

Мы выпили. Слёзы гнома обожгли рот, горло и, вероятно, несколько внутренних органов. В животе разгорелся костёр. На глаза навернулись слёзы.

— Почему слёзы гнома, я понял, — прохрипел я.

Чайник на плите приподнял крышку.

— А мне?

— Ты посуда, — сказал Эдгар.

— А ты утром был собакой.

— Заткнись.

— Налей хоть на дно. Я тоже хочу почувствовать, как внутри становится горячо.

После второй кружки напряжение ушло. После третьей ушло ощущение ног. После четвёртой я начал считать Эдгара и Фигли старыми друзьями, хотя одного знал второй день, а другого меньше часа.

— Значит, ты хотел превратиться в медведя, — сказал Фигли Эдгару, — а стал таксой?

— Мы уже обсуждали.

— Я уточняю масштаб ошибки. Медведь весит триста килограммов. Такса девять.

— Восемь с половиной.

— То есть погрешность около девяноста семи процентов.

— Зато форма устойчивая.

— Ноги короткие.

— Фигли.

— Что?

— Закрой рот.

Эльф затянулся.

— Я занят.

Я рассмеялся. Эдгар посмотрел на меня с предательством во взгляде.

— Ты на чьей стороне?

— Я здесь недавно. Пока выбираю.

— Выбирай того, у кого квартира.

— Разумный аргумент.

— Выбирай того, кто знает, где в седьмом цехе можно спрятаться от Кракга, — сказал Фигли.

— Ещё более разумный аргумент.

Эдгар снова налил.

Прокоп попробовал стащить со стола хлеб. Я перехватил его за шею. Гусь вытянулся вперёд, отчаянно работая лапами, но до хлеба не дотянулся.

— Удивительно целеустремлённое животное, — заметил Фигли.

Мы выпили. Разговор перешёл на завод. Я рассказал о собеседовании, сломанном клапане и воздушной пробке. Фигли слушал с выражением человека, для которого производственная авария была обычной частью рабочего дня.

— Как часто там такое бывает? — спросил я.

— Что именно?

— Машины ломаются.

— Каждый день.

— Каждый день?

— Иногда по два раза.

— А серьёзные аварии?

— Что считать серьёзной?

— Когда кто-то пострадал. — Произнес Фигли, стряхивая пепел.

— Кракг тебя взял после одной аварии?

— Да.

— Ты ему действительно понравился.

— Это хорошо?

— Нет. Теперь он будет считать, что ты способный. Способным дают больше работы.

Эдгар кивнул.

— Главное правило столицы: никогда не показывай начальству всё, что умеешь. Иначе это станет твоей обязанностью.

Спустя ещё одну кружку мы переселились на пол. Никто не помнил зачем. Возможно, стулья стали слишком высокими. Возможно, пол оказался ближе и надёжнее. Эдгар рассказывал о проклятых артефактах, которые ему доводилось чинить. Я рассказывал о деревне.

— Значит, ты охранял коров от грифонов? — спросил Фигли.

— Да.

— И ни одну не унесли?

— Одну.

— Тогда не очень успешно.

— Её вернули.

Эдгар уставился на меня.

— В каком виде?

— В расстроенном.

— Корова была расстроена?

— Нет. Грифон. Корова оказалась тяжёлой.

Фигли медленно кивнул.

— Уважаю коров.

Прокоп, уснувший рядом с моим бедром, приоткрыл один глаз.

— И гусей, — добавил Фигли.

Прокоп снова закрыл глаз.

— Ты всегда столько куришь? — спросил я.

Фигли посмотрел на сигарету, словно впервые её заметил.

— Нет.

— А сколько обычно?

— Больше.

— Тебе не мешает эта привычка на работе?

— Работе мешает сама работа. Сигареты помогают с этим смириться.

— Ты же эльф. Вы вроде любите природу.

— Любим. Я поддерживаю тесную связь с природой.

Эдгар ткнул пальцем в пепельницу.

— А потом природа остаётся на моём столе. — Пробормотал маг.

— Круговорот веществ.

— Я тебе сейчас устрою круговорот эльфа по лестнице.

Фигли невозмутимо затянулся.

— Так что мне нужно знать о седьмом цехе? — спросил я.

Эльф загнул палец.

— Не стой под грузами. Не трогай синие трубы. Не ешь пирожки Степана. Убегай , если Грундольф начинает говорить тихо.

— Почему?

— Когда он орёт, всё нормально. Когда говорит тихо, значит, уже решил, кого убить.

— Страшно.

— Не садись на зелёный ящик возле третьей линии.

— Почему?

— Он иногда откладывает яйца.

— Ящик?

— Мы тоже удивились.

— Что ещё?

— Если услышишь детский смех из вентиляции… не отвечай. Если увидишь кота, поклонись и не корми его.

— А что со старой частью цеха?

Фигли посмотрел на меня внимательнее.

— Кто рассказал?

— Что рассказал?

Фигли выпустил тонкую струю дыма.

— Ночью туда не ходи.

— Почему?

— Там кто-то бродит.

— Кто?

— Не знаю. Слышны шаги. Иногда включается свет. Иногда пропадают инструменты. Один раз вернулся мастер, который исчез десять лет назад.

— Живой?

— Да.

— И что он сказал?

— Попросил не шуметь и снова ушёл.

— Куда?

— В старую часть.

На кухне ненадолго стало тихо. Даже чайник перестал посвистывать.

— Может, там проход? — предположил я.

— Может. А может, цех слишком долго работал на магической энергии и теперь внутри него завелось что-то своё.

— Вы не проверяли?

— Проверяли, — сказал Фигли. — Потом перестали.

— Почему?

— Потому что проверяющие закончились.

Эдгар поднял кружку.

— Вот поэтому я работаю дома. Максимум, что может сожрать меня здесь это артефакты, гусь или долги.

Прокоп проснулся, потянулся и клюнул его в колено.

— Видишь? Первый уже пытается.

Фигли потянулся за новой сигаретой. Пачка оказалась пустой. Он заглянул внутрь, перевернул и потряс. На стол выпала одна табачная крошка. На лице эльфа впервые появилось настоящее чувство. Это был ужас.

— Кончились.

— Сочувствую, — сказал я.

— Ты не понимаешь.

Он начал проверять карманы. Из них появились карандаш, моток проволоки, коробок спичек, две гайки, засушенный лист, женская серьга и заводской пропуск. Сигарет не было.

Эдгар взял серьгу.

— Это чьё?

— Не знаю.

— Приятно знать, что хоть у кого-то из нас насыщенная личная жизнь.

— Я нашёл её в вентиляции.

Фигли снова вывернул карманы.

— Всё, — сказал Эдгар. — Магазины закрыты. Доживёшь до утра.

Эльф медленно повернул к нему голову.

— До утра семь часов.

— Именно.

— Ты предлагаешь провести семь часов без сигарет?

— Люди годами так живут.

— Люди мало живут. Им проще.

Фигли встал, покачнулся и ухватился за стол.

— Куда ты?

— Искать.

— Ночь на дворе.

— Табак не знает времени.

Он сделал два шага к двери, остановился и вернулся.

— Передумал? — спросил я.

— Ноги не согласовали маршрут.

Эдгар протянул ему бутылку.

— Замена.

Фигли посмотрел на самогон и выпил.

К полуночи бутылка опустела. Эдгар сидел у стены и доказывал, что теоретически способен превратиться в дракона. Фигли утверждал, что максимум получится ящерица с комплексом величия.

— Я изучал трансформацию десять лет! — возмущался Эдгар.

— И стал таксой.

— Это временный этап.

— Между человеком и драконом?

— Да.

— Эволюция шла странным маршрутом.

— Ты ничего не понимаешь в магии.

— Зато понимаю в размерах. Если после заклинания тебя можно унести под мышкой, это не дракон.

Я пытался их примирить.

— Начни с чего-нибудь среднего, — предложил я. — Например, с гуся.

Прокоп поднял голову.

— Почему с гуся? — спросил Эдгар.

— У него крылья. Почти дракон.

— У него нет огня.

— После твоего самогона ещё неизвестно.

Фигли одобрительно кивнул.

— Гусь — хороший промежуточный вариант. Агрессия есть, крылья есть, интеллект необязателен.

Прокоп встал и ущипнул эльфа за штанину.

— Интеллект подтверждён, — сказал Фигли. — Он понял оскорбление.

Эдгар всё-таки решил продемонстрировать мастерство. Он поднялся, покачнулся, упёрся ладонью в стену и принял торжественный вид.

— Сейчас вы увидите истинную силу мастера трансформации.

— Может, не надо? — спросил я.

— Надо. Молчать.

Эдгар произнёс заклинание. Последние два слова у него слиплись. Кухню заполнил синий дым. Когда дым рассеялся, на полу сидела такса. Она посмотрела на нас. Мы посмотрели на неё.

— Такса? — спросил Фигли.

Такса зарычала.

— Очень маленький медведь, — уточнил я.

Эдгар подошёл и укусил меня за штанину.

— Ай! Ты что делаешь?

Он отпустил ткань, забрался в кресло и свернулся клубком.

— Спать, — буркнул маг.

Мы кое-как разошлись по местам. Фигли занял диван. Эдгар остался в кресле. Я собрал документы, поднял Прокопа и добрался до своей комнаты. Гусь немедленно устроился под кроватью. Я рухнул поверх одеяла, не снимая одежды. Через минуту в комнату вошёл навигационный компас. Видимо, выбрался из кухни сам. Он прошёл по полу, вскарабкался на тумбочку и уселся рядом с семейным ошейником. Стеклянные глаза мигнули.

— Завтра верну тебя Эдгару, — пробормотал я.

Компас показал мне стрелку.

— И тебе спокойной ночи.

За окном гудел город. Далеко над крышами сияли трубы завода. Завтра меня ждал первый рабочий день в седьмом цехе.

Под кроватью сонно гоготнул Прокоп.

— У кого-нибудь есть сигарета? — Из гостиной донёсся голос Фигли.

— Спи! — рявкнул Эдгар.

— Я просто спросил.

— Ещё раз спросишь… превращу в пепельницу.

Я закрыл глаза. Работа в столице нашлась подозрительно быстро. Теперь стало понятно почему нормальные люди туда не шли. А ненормальные, судя по всему, уже работали в седьмом цехе.

Глава 3

У проходной «Северного молота» я появился без пяти восемь. Это было моё первое достижение на новом месте. Вторым стало то, что я не ушёл обратно.

Вчера завод казался шумным. Сегодня выяснилось, что вчера он просто отдыхал. За стеной грохотало, над трубами расползалось сиреневое зарево, а на крыше ближайшего корпуса двое рабочих ловили третьего. Третий медленно поднимался в воздух, держась за лестницу.

— Отпусти её! — кричали снизу.

— Она казённая!

— Ты тоже пока казённый!

Я показал пропуск гному за стойкой. Тот посмотрел на карточку, потом на меня. Потом он поставил в журнале галочку. В соседней графе я успел прочитать «Прибыл самостоятельно».

— А другие как прибывают?

Гном прикрыл журнал ладонью.

— Не задерживай очередь.

У седьмого цеха курил Фигли. Выглядел он так, будто после вчерашнего вечера его несколько раз постирали, а выжать забыли. Светлые волосы выбились из хвоста. На рукаве остался след от чая или чего-то, что притворялось чаем.

— Доброе утро, — сказал я.

— Не начинай. — Он затушил сигарету и толкнул тяжёлую дверь.

Внутри пахло горячим металлом, маслом и мокрой шерстью. Последний запах исходил от рабочего, сушившего рукавицы над небольшой жаровней. Рукавицы время от времени пытались уползти с решётки. Рабочий возвращал их щипцами.

Грундольф стоял возле вчерашней машины и смотрел.

— Люпус! — рявкнул он.

— Здесь.

— Вижу. Подойди.

На столе перед ним лежали стопка бумаг, карандаш и кусок чёрного хлеба. На хлебе отпечаталась шестерёнка. Гном протянул мне два листа.

— Рабочую одежду получишь в бытовке. Потом инструментальную найдёшь. Возьмёшь всё по списку. Это Степану. — Он постучал по верхней бумаге.

— А с этим на склад комплектующих. Клапан привезёшь к десяти.

— Хорошо.

— Старый с машины снят. Новый без ОТК не ставить.

— Понял.

— Ничего ты ещё не понял. — Он повернулся к Фигли.

— Покажи ему, где что.

— У меня раствор на выдержке.

— Вот пусть и выдерживает.

Фигли вздохнул. Через десять минут я обзавёлся серой курткой, брюками и ботинками с железными носами. Куртка была широка в плечах, брюки коротки в ногах. В зеркале над умывальником отражался человек, у которого явно украли хорошую одежду.

— Зато размер почти твой, — оценил Фигли.

Инструментальная кладовая находилась за металлической сеткой. Над окошком висели часы без стрелок и табличка «ПОЛУЧИЛ РАСПИШИСЬ. СЛОМАЛ ОБЪЯСНИ». За окошком сидела толстая троллиха в синем халате. Она занимала широкий стул целиком и ещё немного пространства вокруг. Мощные предплечья лежали на столе рядом с вязанием.

— Доброе утро, — начал я.

Она подняла палец. Мы подождали.

— Двадцать семь, — сказала она. — Теперь доброе. Чего надо?

Я протянул требование. Троллиха прочитала, перевела взгляд на меня, потом на Фигли.

— Новый?

— Да, — ответил я.

— Заметно. Я Брунгильда Алексеевна. Можно Алексеевна.

Фигли внимательно рассматривал потолок. Троллиха поднялась. Подол халата задел край стола, и я машинально придержал кружку, прежде чем та упала.

— Спасибо, — сказала она уже мягче.

За её спиной уходили в полумрак стеллажи. На полках лежали ключи, щипцы, свёрла, странные зубчатые приспособления и многое другое. Брунгильда Алексеевна прошла между ними с неожиданной лёгкостью. На обратном пути несла металлический ящик.

— Ключи. Съёмник. Две пары диэлектрических рукавиц. Проверишь при мне.

Я натянул одну.

— И как проверять?

— Пальцами пошевели.

Ничего не поняв и пошевелив пальцами, я расписался. Троллиха заметила вторую бумагу у меня в руке.

— Это на что?

— Клапан для контура охлаждения.

— Прокладку вписали?

Я посмотрел в требование.

— Нет.

— Конечно. У нас ведь клапан к трубе молитвой прилегает.

Она достала из ящика плоское серое кольцо и положила сверху.

— Жаростойкая.

— Спасибо. — Поблагодарил я её.

Когда мы отошли от окошка, Фигли загоорил.

— Однажды я забыл вернуть отвёртку.

— И?

— Это было несколько лет назад.

— До сих пор напоминает?

— Нет. До сих пор не выдаёт новую.

На складе комплектующих мне вручили деревянный ящик, заставили расписаться три раза и дали тележку с кривым колесом. Фигли к тому времени ушёл спасать раствор. К седьмому цеху я вернулся самостоятельно, чем немного гордился. Тележка всю дорогу пыталась свернуть к котельной.

У машины меня ждал Степан. Вчерашняя копоть исчезла с его лица не вся, а только местами, отчего он напоминал плохо вымытый сапог.

— Привёз?

— Привёз.

— Ставим.

— Без ОТК нельзя.

Степан посмотрел на меня без злобы, но с разочарованием.

— Первый день, а уже тяжёлый человек.

— Мне так велели.

— Все мы кому-нибудь что-нибудь велели.

Он сунул ломик под крышку ящика.

— Руки убрал, — произнёс женский голос.

Степан убрал руки так быстро, что ломик звякнул об пол. Между станками шла эльфийка. На ней была тёмная рабочая куртка с небольшой нашивкой ОТК, под мышкой папка, а на поясе кожаный чехол с измерительным инструментом. Светло-каштановые волосы были заплетены в косу. Из-под прядей выступали острые уши, в одном поблёскивало маленькое серебряное кольцо. Она остановилась возле тележки и посмотрела на меня серыми глазами. Мне сразу захотелось стоять ровнее. Потом я вспомнил про короткие брюки и захотелось встать за тележку.

— Вы инженер по обеспечению?

— Да. Вольдемар.

— Лиара. Отдел технического контроля.

Она протянула руку. Ладонь была тёплой. Я задержал рукопожатие чуть дольше, чем следовало. Лиара посмотрела на наши руки. Я отпустил.

— Это клапан? — спросила она.

— Надеюсь.

— Хороший подход. Сомнение на производстве полезнее уверенности.

Степан поднял ломик.

— Открыть-то можно?

— Только ящик.

Под крышкой, в промасленной бумаге, лежал новый клапан. Чёрный корпус, латунные соединения, свежая синяя краска на рычаге. После всего, что я видел на заводе, он выглядел неприлично исправным. Лиара сверила номер с бумагами, измерила фланец и посветила внутрь маленьким кристаллом.

Потом замолчала.

Степан шумно вздохнул.

— Что опять?

— Исполнение Б.

— Ну?

— Нам нужно А.

— Отличие какое?

— Обратное направление потока и другая настройка возвратной пружины.

— Повернём.

Лиара подняла на него глаза.

— Если я тебе сапоги задом наперёд надену, ты быстрее побежишь?

Степан подумал.

— Смотря от кого.

Я отвернулся, чтобы не засмеяться.

Лиара поставила в накладной красную отметку.

— На машину не пойдёт.

— Но номер…

— Номер верный. Буква не та.

Я заглянул в своё требование. Буквы там вообще не было.

— И что теперь делать?

Лиара развернула папку на тележке.

— Узнать, почему заказали без исполнения. Найти нужный клапан. Этот вернуть.

Степан ушёл искать Грундольфа. А я смотрел на красную отметку и пытался понять, как сообщить начальнику, что к десяти всё привёз, но работать от этого ничего не будет.

— Не переживай, — сказала Лиара.

Грундольф выслушал нас молча. Это мне не понравилось. Он прочёл требование, накладную и заключение Лиары. Потом аккуратно сложил всё на стол.

— Где рабочий чертёж узла?

Степан принёс папку. На первом листе стояла та же маркировка, что и в моей заявке. Без буквы. Грундольф медленно провёл пальцем по строке.

— Шварг.

— Вот именно, — согласилась Лиара.

Гном посмотрел на меня.

— В архив. Нужен сборочный чертёж охлаждающего контура до переделки. Там полное обозначение. Найдёшь и потом ко мне.

— А где архив?

Грундольф махнул в сторону лестницы.

— За конторкой. Спросишь у Савелия.

Гном повернулся к Степану.

Савелий сидел за столом возле высокого окна. Старый, сухой, с редкой белой бородой и невероятно ясными глазами. На столе перед ним стояли чашка, песочные часы и деревянная коробочка. Ни чертежей, ни инструментов, ни бумаг. Из нагрудного кармана халата торчало гусиное перо.

— Здравствуйте, — сказал я. — Вы Савелий?

— Зависит от того, кто спрашивает.

— Вольдемар Люпус. Новый инженер.

— Ах, новый.

Он посмотрел на меня с доброжелательным интересом.

— Садись.

— Мне только чертёж…

— Тем более. Стоя чертежи искать неудобно. Ты из каких мест?

Я не сел.

— Из деревни. Мне нужен сборочный…

— Деревня, — с удовольствием повторил Савелий. — Хорошее устройство жизни. При условии, что есть возможность из неё уехать. Я в молодости занимался вопросом сельского водоснабжения. Ты знаешь, почему колодцы круглые?

— Нет.

— А ведь интереснейший вопрос.

Он подвинул ко мне стул. Через некоторое время я уже сидел. Колодцы оказались связаны с кладкой, кладка с древними гномами, древние гномы с наследственным правом, а оно, в свою очередь, привело нас к разводам среди болотных великанов. Я дважды пытался напомнить про чертёж. В первый раз Савелий кивнул и рассказал о происхождении слова «сборочный». Во второй предложил подумать, что вообще можно считать отдельным узлом в мире, где всё связано. Песок в часах закончился. Савелий перевернул их, не прерываясь. Я почувствовал смутную тревогу. Внизу ударил колокол.

— Мне пора, — сказал я.

— Разумеется. Так вот, о времени. Существует распространённое заблуждение…

Из-за двери появился худой человек в рабочем комбинезоне. На шее у него висел секундомер. Лицо было красным, дыхание ровным, будто он бежал не к нам, а мимо нас и решил заглянуть по дороге. Он посмотрел на меня. Потом на Савелия.

— Пожар, — сказал он.

Я вскочил.

— Где?

— Пока нигде. Но пойдём.

Он взял меня за локоть и вывел в коридор. Савелий успел крикнуть нам вслед: — Между прочим, противопожарные разрывы впервые ввели вовсе не из-за огня!

Человек закрыл дверь. Несколько секунд мы молчали.

— Спасибо, — сказал я.

— Давно сидел?

— Не знаю.

Он взглянул на секундомер.

— Грундольф тебя двадцать минут ищет.

У меня неприятно похолодело под курткой.

— Я спросил про чертёж.

— Это нормально. Плохо, если спросил бы, как у него дела.

Мой спаситель протянул руку.

— Мирон. Инженер по испытаниям.

— Вольдемар. По обеспечению.

— Знаю. Из-за твоего клапана у меня стенд стоит.

— Он не мой.

— Уже начинаешь разбираться в работе. — Произнес Мирон, хлопая меня по плечу.

Мы пошли по коридору. Мирон двигался быстро, мягко ступая на носки. Мне пришлось прибавить шаг.

— Ты откуда бежал?

— С круга.

— Какого?

— Вокруг завода. Утром пять вёрст, после смены десять.

— Зачем?

Он удивился.

— Мне нравится.

Я посмотрел на него внимательнее. На заводе действительно работали ненормальные.

— А Савелий чем занимается? — спросил я.

Мирон пожал плечами. Мы спустились на этаж ниже. Мирон открыл неприметную дверь. За ней обнаружилась тесная комната с ящиками для чертежей.

— А это что?

— Архив.

Нужный чертёж нашёлся в третьем ящике. Исполнение действительно было «А». На полях стояла старая отметка о переделке системы и подпись, которую я не смог разобрать. Грундольф встретил меня у лестницы.

— Нашёл?

Я протянул лист. Он изучил обозначение и коротко кивнул.

— На складе проверишь.

— Я только что оттуда.

— Значит, дорогу знаешь.

На складе нужного клапана не оказалось. Зато выяснилось, что исполнение «Б» заказали ещё зимой, потому что оно было дешевле, а буквенное обозначение сочли несущественным уточнением. Человек, который так решил, теперь работал в отделе планирования. Мне показалось, это многое объясняло. Когда я вернулся, Грундольф ругался со складом через переговорный кристалл. Кристалл лежал на столе и от каждого гномьего слова слегка подпрыгивал. Лиара стояла рядом, скрестив руки. Мирон крутил в пальцах секундомер.

— Нет, — говорил Грундольф очень тихо. — Дешевле он не вышел.

Я остановился на безопасном расстоянии.

— Потому что он не подходит.

Кристалл пискнул.

— Нет. Не будем переделывать контур под закупленный клапан.

Ещё писк. Грундольф накрыл кристалл кружкой. Из-под неё донеслось приглушённое возмущение.

— Предложения, — сказал гном.

Мирон перестал крутить секундомер.

— Старый клапан можно восстановить. Корпус цел, седло тоже. Заклинило направляющую, пружина потеряла усилие. Я вчера смотрел.

— Ресурс?

— Сначала соберу, потом скажу.

Лиара кивнула.

Грундольф повернулся ко мне.

— Слышал? Обеспечь.

На этот раз я взял карандаш.

— Что именно нужно?

Мирон впервые посмотрел на меня с одобрением.

К полудню я успел трижды побывать у Брунгильды Алексеевны, один раз на складе и один раз возле двери Савелия. В последний раз я просто прошёл мимо. Из-за двери донеслось:
— Молодой человек, вы ведь так и не узнали про колодцы!

Я ускорился.

Брунгильда Алексеевна выдала притирочную пасту, запасную пружину и оправку. Потом посмотрела на список, который я принёс в четвёртый раз.

— Кто писал?

— Мирон диктовал.

— Это вижу. Он всегда торопится. Размер где?

Пришлось возвращаться. На пятый раз троллиха молча поставила передо мной кружку чая.

— Сядь.

Я сел на табурет у окошка. В глубине кладовой скрипнула дверца высокого шкафа.

— Алексеевна, — произнёс оттуда мужской голос. — Когда обед?

— Через сорок минут, Петрович.

Дверца недовольно хлопнула. Я медленно повернул голову.

— Это…

— Токарь, — сказала она. — Только не начинай расспрашивать. Он потом весь день жалуется, что у него в ящиках ломит.

Я выпил чай. Потом взял оправку нужного размера и вернулся к Мирону. Старый клапан лежал на верстаке разобранным. Без кожуха и рычага он казался маленьким и не особенно страшным. Трудно было поверить, что вчера из-за этой штуки посреди цеха летал разводной ключ. Мирон работал быстро, но не суетился. Пальцы у него были длинные, с ободранными костяшками. Он то проверял посадку детали, то сверялся с чертежом, то делал короткую запись в блокноте. Лиара осмотрела новую пружину и отложила в сторону.

— Подходит.

Я испытал странную радость. Всего одно слово, а приятнее, чем все вчерашние обещания социального пакета.

— Принёс? — Мирон взял у меня оправку. — Отлично. Теперь подержи.

Он указал на корпус.

— Только не здесь. Здесь потом пальцы искать неудобно будет.

Мы провозились ещё полчаса. Степан подходил дважды, давал советы и оба раза уходил под одинаковым взглядом Лиары. К испытательному стенду клапан понесли уже вчетвером.

Стенд находился в дальней части цеха, за низким ограждением. Толстые трубы сходились к металлической плите. Над ней висели манометры. В полу были решётки стока. У стены стоял прозрачный щит, весь царапинах.

Мирон установил клапан, затянул крепления и проверил соединения. Лиара открыла журнал. Фигли, появившийся с небольшой колбой, влил в бак зелёную жидкость.

— Это зачем? — спросил я.

— Краситель. Утечку видно.

— А почему пахнет мятой?

— Чтобы утечку было приятно искать.

Он закрыл бак. На ближайшей трубе выступил иней. Фигли провёл пальцем по запорной руне, и тот растаял. Я вспомнил, что он не просто курит на территории, а всё-таки травник.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.